

Похоже, никто не ожидал, что Чу Ван вернётся так скоро. Спорящие замерли, застигнутые врасплох; в колеблющемся свете факелов на лицах односельчан проступило нелепое замешательство.

Чэн Янь, не успевший перехватить друга, поспешил следом. Подойдя ближе, он разглядел зачинщиков свары — мужчину и женщину средних лет. В женщине он без труда узнал ту самую «тётушку», что язвила в адрес Чу Вана в повозке. Юноша тогда назвал её «младшей тётушкой».

Картина открылась неприглядная: один крепко сжимал в руке старую курицу, другая вцепилась в две солёные рыбины. Они всё ещё пытались вырвать добычу друг у друга, но выкрик Чу Вана заставил их оцепенеть.

Ли Цюфан первой спохватилась и порывисто спрятала руки за спину, тщетно пытаясь скрыть за собой несчастную птицу.

— Чу... Чу Ван? — выдавила она. — Ты чего это... в такой час?

Мужчина, Нью Эр, тут же нашёлся:

— Ван-эр, послушай, что скажу! Эта Ли Цюфан под покровом ночи прокралась в твой дом! Благо я заметил, проследил за ней и поймал за руку, когда она уже курицу тащила! Эй, Ли Цюфан, чего прячешь? А ну, покажи людям! Вынимай живо!

Соседка взорвалась проклятиями:

— Нью Эр! Не строй из себя святошу! Сам-то не лучше — как только твой сынок отвез Чу Вана в город, ты и решил, что хозяина не будет, вот и припёрся! Я своими глазами видела, как ты эти две рыбины из кладовой выгребал!

Мужчина густо покраснел.

— Какое «выгребал»! Я... я обязательно сказал бы Чу Вану, когда он вернётся! — Он договорил, едва справляясь с дрожью в голосе, и повернулся к юноше, выдавливая заискивающую улыбку. — Ван-эр, дядюшка не знал, что ты вернёшься сегодня... Знал бы — ни в жизнь не пришёл. Мне эта рыба сейчас и даром не нужна, забирай-ка её обратно!

С этими словами он протянул тушки Сяо Вану, глядя на него со смесью раболепия и страха.

Чу Ван молчал. Он стоял, плотно сжав губы, и это тяжёлое, гнетущее молчание длилось,

казалось, целую вечность. Лишь когда Нью Эр начал исходить холодным потом, юноша холодно принял рыбу.

— Дядя, уже поздно. Ступайте к себе.

Тот, словно получил высочайшее помилование, закивал так рьяно, что едва не уронил факел.

— Да-да, иду уже! Ван-эр, если снова в город понадобится — ты только скажи, дядюшка всегда подсобит!

Он попятился, увлекая за собой ещё нескольких человек.

— Стоять, — негромко, но властно бросил Чэн Янь.

Толпа замерла. Односельчане уставились на незнакомца.

— Это ещё что за изнеженный красавчик? — донёлся чей-то шёпот из темноты.

Чэн Янь не стал тратить время на пустые препирательства. Он медленно обвёл взглядом присутствующих и указал на троих в толпе.

— Яйца из пазухи выньте. И положите на место.

Один из мужиков вспыхнул:

— Это ещё с какой стати?!

Его товарищ тут же отвесил ему подзатыльник, шикнув:

— Нет у меня никаких яиц!

Чэн Янь холодно усмехнулся:

— Хочешь, я проверю? Одного удара в грудь хватит, чтобы всё стало ясно.

— Ты кто такой?! — заголосили в толпе. — Откуда взялся этот пришлый, чтобы так нагло себя вести в деревне Чу?!

— Значит, гостеприимство в вашей деревне — это обворовывать хозяев, а потом нагло врать в

глаза? — парировал Чэн Янь.

Воришки растерянно переглянулись. Нью Эр, явно не желавший ссориться с Чу Ваном, зашипел на них:

— А ну, отдайте, что взяли! Быстро!

Нехотя те подчинились. Один за другим они вытаскивали яйца из-за пазухи — втроём умудрились стащить двенадцать штук. Чэн Янь нахмурился, снял с плеч корзину и, достав оттуда пустое плетеное блюдо, протянул его им.

— Складывайте сюда.

Когда всё было возвращено, он отошел к другу. Ли Цюфан, чьи глаза горели яростью, набросилась на соседа:

— Нью Эр! Бесстыжая твоя морда! Значит, и яйца прихватил?!

— Тьфу на тебя! — огрызнулся тот. — Чья бы корова мычала! На себя посмотри!

Женщина всё ещё прижимала к себе курицу. Видя, что Нью Эр уже всё вернул, она занервничала, глаза её забегали, и вдруг на лице проступило выражение притворной заботы:

— Чу Ван, деточка, я ведь просто хотела одолжить у тебя эту птицу. Внучок мой прихворал, поправить бы его бульоном... Я тебе потом верну такую же, честное слово!

Все прекрасно понимали, что её «одолжить» означает «забрать навсегда». Юноша, вспомнив недавние слова Чэн Яня, холодно ответил:

— Эта птица принадлежит Чэн Яню. Я не вправе распоряжаться чужим имуществом.

Слово «одолжить» он выделил интонацией, добавив в голос язвительности.

Ли Цюфан не унималась:

— Да брось ты! Я сама видела, как ты её в повозку грузил!

Чэн Янь вмешался, и голос его зазвучал по-настоящему опасно:

— Я купил эту птицу для матери Чу Вана. Если вам так угодно воровать у одинокой вдовы и

сироты, я не поленюсь довести дело до уездной управы.

Собеседница так и застыла. Чэн Янь сегодня был одет с иголки — его наряд из дорогой ткани выглядел чужеродным в этой нищей глуши. Видя его невозмутимость и слыша угрозы судом, женщина, в которой жил вечный страх простолюдина перед властью, окончательно струхнула. Она попыталась найти в его лице хоть тень шуток, но взгляд мужчины был твёрд.

— Оставьте всё, что взяли, и проваливайтесь, — отрезал он. — Иначе этой ночью никто из вас домой не уйдёт.

В его осанке было столько властности, что Ли Цюфан, обменявшись испуганными взглядами с остальными, покорно опустила курицу на землю. Вся банда поспешно ретировалась в темноту.

Чэн Янь молча собрал вещи и коснулся плеча Сяо Вана:

— Идем в дом.

Тот, словно очнувшись, дрожащими руками отпер замок и вбежал внутрь. Чэн Янь заметил, что окно кухни было взломано — по всей видимости, вору проникли в хижину именно там.

Расставив продукты, он прошёл во внутренние покои.

Старая мазанка была предельно проста: кухня и две крохотные комнаты. У входа стоял грубо сколоченный стол, служивший обеденным, вокруг — ворох каких-то старых вещей. Ветхость дома бросалась в глаза: стены потрескались, а крыша, казалось, держалась на добром слове.

Чэн Янь мягко постучал в открытую дверь спальни.

Чу Ван сидел на корточках перед единственной в комнате кроватью, на которой лежала изможденная женщина. Он как раз пытался поправить одеяло. Услышав звук, юноша порывисто вскочил.

— Ты... иди пока в другую комнату, я сейчас...

Чэн Янь проигнорировал просьбу и вошёл.

В помещении висел тяжёлый, спертый запах — смесь застарелой хвори и затхлости, которая, кажется, пропитала сами стены. Чэн Янь опустил взгляд: белье на постели было сырым и несвежим. Юноша как раз закатывал штанину на ногу матери, обнажая пугающе тонкую голень.

Сын заслонил собой кровать, не давая другу смотреть.

— Выйди, пожалуйста, — прошептал он. Губы его побелели от стыда и муки.

Чэн Янь долго смотрел ему в глаза, прежде чем ответить:

— Если ты не считаешь меня чужим человеком, не мешай мне. А если считаешь — относись ко мне как к лекарю. А лекарь никогда не откажется от пациента, как бы плох тот ни был.

Чу Ван осекся и медленно отступил в сторону.

Чэн Янь наконец увидел лицо матери друга. Она выглядела намного старше своих лет. Лицо превратилось в карту из глубоких морщин, мутные глаза были полуприкрыты и устремлены в пустоту, словно там находилось нечто, захватившее всё её внимание. Казалось, присутствие сына и незнакомца никак не трогало её.

Юноша тяжело вздохнул:

— Она больше не узнает никого. Иногда, если я долго зову её, она едва заметно вздрагивает.

Он осторожно взял высохшую ладонь матери в свою и тихо позвал:

— Матушка... Мама... Ван-эр вернулся.

Женщина не шелохнулась. Чэн Янь подошел ближе:

— Позволь мне проверить пульс.

Чу Ван безмолвно подчинился. Чэн Янь приложил два пальца к костлявому запястью. Он сосредоточенно прислушивался к биению жизни. Его лицо оставалось беспристрастным.

Видя эту сосредоточенность, Сяо Ван не выдержал:

— Ну как?

Чэн Янь помедлил и лишь затем отпустил руку больной. Не глядя на друга, он бережно опустил рукав старушки, прикрыв запястье грубой тканью, и аккуратно уложил её руку поверх одеяла.

— Сначала нужно её обмыть, — негромко произнес он.

Уклонившись от прямого ответа, Чэн Янь сказал больше, чем хотел. Сердце Чу Вана ухнуло в пустоту. Он и сам понимал, что конец близок, но правда всё равно отозвалась невыносимой болью.

Его отец погиб ещё до его рождения — сорвался со скалы и погиб от ран. Мать одна вырастила сына, вложив в него все остатки своих сил. Старые недуги теперь пробудились. Она была парализована, а вся её связь с миром сводилась к редкому, мутному взгляду в ответ на призывы сына.

Органы её были истощены до предела. В другом мире её жизнь, возможно, удалось бы поддерживать ещё какое-то время, но здесь каждый прожитый час был даром небес.

Деревня Чу была местом суровым, а люди в ней — под стать окружению. Чу Вана и его мать вечно помыкали. Кто-то, как Нью Эр, еще сохранял остатки совести, другие же были готовы на любую подлость ради выгоды. Юноша с детства привык видеть эти маски.

— На самом деле они меня боятся, — негромко произнес Сяо Ван спустя время.

Чэн Янь, не выказав ни капли брезгливости, помог ему обмыть мать и переодеть её в чистое. Теперь женщина дремала в кресле, пока юноша перестилал постель, заменив старое бельё своим. Запасных одеял в доме не было, но стояло жаркое лето, и двое молодых мужчин вполне могли обойтись без них.

Пока Чэн Янь поправлял подушки, Чу Ван открыл окно, впуская в комнату ночную прохладу.

— Боятся, что если я когда-нибудь стану чиновником, то припомню им все обиды. Но для них это слишком далеко. В этой глуши самый большой начальник, которого они видели, — сельский староста.

Чу Ван собрал грязное бельё в таз и направился к выходу. Друг хотел помочь, но тот упрямо покачал головой:

— Просто побудь рядом. Поговори со мной.

— Если они боятся тебя, как же они решились на такое сегодня?

Сяо Ван горько усмехнулся:

— Потому что моя месть — это туманное будущее. А украденное мясо или курица — это сытый обед для всей семьи уже сегодня. Здесь царит такая нищета, что люди готовы снять одежду с покойника, лишь бы не голодать.

Он вышел на задний двор к колодцу, намереваясь начать стирку, но обнаружил, что кадка пуста. После возвращения Чу Ван был так задержан заботами, что совсем забыл набрать воды. Он замер над пустым тазом, и плечи его поникли.

— Уже поздно, — мягко сказал подошедший Чэн Янь. — Утром я сам натаскаю воды, тогда и постираешь.

Чу Ван вдруг медленно осел на землю. Чэн Янь встревоженно шагнул вперед:

— Что с тобой?

Юноша сидел на корточках, спрятав лицо в согнутых руках. Его худые плечи мелко подрагивали. Чэн Янь опустился перед ним и крепко обнял за плечи. Чу Ван уткнулся ему в грудь, и спустя мгновение тишину двора разорвали сдавленные рыдания.

Маленький дурачок

Следующие несколько дней Чу Ван не отходил от постели матери. Он неустанно ухаживал за ней, ловя каждую редкую искру сознания в её глазах.

Чэн Янь взял на себя все заботы по дому и приготовление пищи. Он же варил лечебные отвары. Исцелить женщину было невозможно, но снадобья помогали унять боль. Чэн Янь не пожалел столетнего женьшеня из запасов своего поместья, чтобы поддержать в ней жизнь. Перед самым концом наступило предсмертное прояснение: мать Чу Вана не только узнала сына, но и попросила вынести её на солнце.

Сяо Ван бережно устроил её в кресле и вынес во двор. Он не отличался богатырским сложением, но справился сам — настолько лёгкой стала его мать.

Грея ноги в теплых лучах, юноша опустился перед ней на колени и принялся осторожно массировать её суставы, хотя женщина давно ничего не чувствовала.

— Ван-эр... — едва слышно позвала она.

Чу Ван поднял голову, и в его взгляде была вся нежность и преданность.

— Я здесь, мама...

Её мутные глаза с трудом фокусировались на его лице. Когда она попыталась поднять руку,

сын тут же перехватил её ладонь.

— Я тут, мама, я рядом.

Он прижал к своей щеке эту сухую руку. Мать, казалось, наконец увидела его. В её глазах промелькнула слабая улыбка. Она шевельнула губами и с трудом выдавила:

— Живи... живи хорошо...

На последнем звуке её дыхание прервалось. Глаза медленно закрылись. Залитое солнечным светом тело ещё хранило тепло, но жизнь окончательно покинула его. Чу Ван замер, сжимая её руку, а затем приник лицом к её коленям и зарыдал.

Чэн Янь, стоявший в дверях с чашей лекарства, так и застыл. Услышав плач, он не решился сделать ни шагу вперед.

Поскольку Чэн Янь взял на себя все хлопоты, похороны прошли достойно. Спустя семь дней гроб с телом матери Чу Вана опустили в землю рядом с могилой его отца.

Сын, облаченный в траурные одежды, таял на глазах. Те крохи веса, что он успел набрать в городе, ушли без следа. Чэн Янь смотрел на него с болью, но не находил слов, чтобы утешить.

В дни траура Чу Ван был непривычно тих. Он мог часами сидеть перед гробом или шептать слова раскаяния. Мать вырастила его в одиночестве, он мечтал, как обеспечит ей достойную старость, но судьба распорядилась иначе. Он понимал, что загоняет себя в тупик самобичеванием, но горе было слишком свежим.

Когда на новой могиле догорели последние жертвенные деньги, Чэн Янь молча увел его вниз с холма.

Деревенские не решались тревожить их в дни траура. К тому же, по местному обычаю, после смерти от болезни все вещи покойного нужно было сжечь, чтобы «изгнать дух хвори». После этого дом проветривали несколько дней.

От этого в хижине стало ещё пустее.

В знак траура Чу Ван отказывался от любой скоромной пищи. В деревне и так было негусто с продуктами, поэтому Чэн Янь делил с ним скудную постную трапезу.

Он всё чаще думал о том, как забрать Чу Вана отсюда. Это место было пропитано печалью, да и переменчивый нрав односельчан не внушал доверия. Чэн Янь не хотел, чтобы его друг и дальше имел дело с этими людьми.

Вечером, после тихого ужина, Чэн Янь натаскал воды. Они по очереди ополоснулись в импровизированной купальне и вернулись в дом.

Ночь принесла прохладу. Половина летних каникул уже миновала. Чу Ван в своих белых одеждах казался почти прозрачным; на бледном лице болезненно алели воспаленные веки.

Чэн Янь, набросив на плечи легкую одежду, долго смотрел на друга и не выдержал:

— Ты не должен так изводить себя.

Почти в то же мгновение Чу Ван поднял на него взгляд и тихо произнес:

— Чэн Янь, обними меня.

Он сидел на краю постели, глядя на друга снизу вверх. Широкие рукава соскользнули, обнажая тонкие запястья. Чэн Янь замер, чувствуя, как дрогнуло сердце. Он подошел и молча притянул юношу к себе. Сяо Ван обхватил его руками за пояс, прижимаясь всем телом.

Мужчина присел рядом на кровать, устраивая его поудобнее.

— Перед уходом мама велела мне жить хорошо, — глухо проговорил Чу Ван, уткнувшись ему в грудь.

Чэн Янь снял с него заколку, и поток черных волос рассыпался по его плечам. Рука мужчины замерла в этой темноте.

— Когда она ушла, мне показалось, что в жизни больше нет смысла. Зачем жить дальше? Но хорошо, что... — он запнулся и шмыгнул носом. — Хорошо, что ты рядом со мной.

Чэн Янь медленно погладил его по волосам.

— Я здесь. Я никуда не уйду.

Чу Ван поднял голову. Глаза его были влажными, а следы слез на щеках делали его образ бесконечно хрупким.

— Ты давно меня не целовал, — прошептал он.

Чэн Янь крепче прижал его к себе и коснулся его губ своими, исполняя немую просьбу. Чу Ван никогда не проявлял инициативы — он был похож на пугливого зверька, который от малейшего прикосновения прячет вспыхнувшее лицо.

Но когда их губы встретились, Чу Ван внезапно ответил с неожиданным жаром. Он закинул руки Чэн Яню на шею, вцепляясь в его плечи. Их дыхание смешалось, и юноша прерывисто шептал:

— Еще... мало...

Чэн Янь едва касался его, но Чу Ван уже сам тянул его за плечи, пытаясь стянуть с него одежду. Чэн Янь опешил и мягко отстранился.

— Хватит. Давай спать.

Чу Ван замер, глядя на него непонимающим взглядом. В его влажных глазах застыла такая мольба, что у Чэн Яня перехватило дыхание.

— Пожалуйста... поцелуй меня ещё...

Казалось, он и сам не осознавал, что сейчас заискивает, — просто в своём одиночестве он отчаянно нуждался в тепле.

Чэн Янь глубоко вздохнул, пытаясь унять пожар в крови. С трудом сохраняя ровный голос, он произнес:

— Завтра. Давай завтра, хорошо?

Чу Ван отчаянно затряс головой и снова нырнул в его объятия.

— Если ты не хочешь меня целовать, тогда я сам тебя поцелую!

Он действовал с каким-то отчаянным упорством, врезавшись в грудь Чэн Яня. И в следующее мгновение Чу Ван понял, почему тот так упорно сопротивлялся.

В его глазах промелькнуло замешательство. Он встретился взглядом с Чэн Янем, а затем невольно коснулся того, что выдало его друга с головой. Чэн Янь резко выдохнул и перехватил его запястье.

— Перестань.

Чу Ван замер в недоумении:

— Ты же... ты же говорил, что ты...

Чэн Янь сделал рваный вдох. Он и сам чувствовал себя не в лучшем виде.

— Я же говорил... что лечил себя. И вылечил.

Просто после исцеления у них не было подобных моментов, и малейшей искры хватило, чтобы пламя вспыхнуло с новой силой.

Чу Ван пристально посмотрел на него, а затем обхватил лицо Чэн Яня ладонями, приближаясь так близко, что их дыхание снова стало общим.

И тогда Чэн Янь услышал слова, которые, пожалуй, были самыми смелыми из всех, что Чу Ван произносил в своей жизни.

<http://bllate.org/book/15870/1444267>